

НЕИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ КОНТЕКСТЫ

NON-HISTORIC CONSCIOUSNESS AND ITS CONCEPTUAL CONTEXTS

С. С. Простяков

кафедра философии

Сахалинского государственного
университета

Ключевые слова: историческое, неисторическое, сознание, смысловые контексты.

Key words: historic, non-historic, consciousness, conceptual context.

Аннотация. Представляется корректным интерпретировать термин «историческое» в контексте таких его импликаций, как закономерный характер качественных изменений бытия человека, общества и культуры; преемственность социокультурного опыта; социальный прогресс; смысл истории.

Abstract. The author suggests to expound the term “historic” in the context of such its implications as determined character of quality changes of human existence, society and culture, succession of sociocultural experience, social progress, the sense of history.

Представляется корректным интерпретировать термин «историческое» в контексте таких его импликаций, как закономерный характер качественных изменений бытия человека, общества и культуры; преемственность социокультурного опыта; социальный прогресс; смысл истории. В связи с этим следует признать справедливым и тезис, согласно которому именно посредством исторического сознания, схватывающего в смысловом единстве три модуса времени – прошлое, настоящее и будущее, становится возможной культурно-историческая идентификация человека.

Отмеченные составляющие в понимании исторического явились результатом глубокого опыта философской рефлексии XX века. Причем сам этот опыт осмысления человека и истории был сконцентрирован на проблеме постижения сущности исторического.

Так, Николай Бердяев исходит из идеи сущностной онтологичности исторического и его «сращенности» с человеком, что делает невозможным их разрыв [1, С. 21]; в концепции Хосе Ортеги-и-Гассета проблема исторического рассматривается в русле критического преодоления субстанциалистского подхода к человеку: не природа как некая неизменная основополагающая сущность (субстанция), а историчность (изменчивость человека как «бесконечно пластичного сущего») является определяющей чертой человеческого бытия [3, С. 92–98]; Карл Ясперс рассматривает человека как находящегося всегда «внутри истории», и поэтому лишь из экзистенциального опыта исторического возможно постижение «вечного настоящего» истории в ее надысторическом смысловом содержании [6, С. 277–279].

Отсюда ясно, что в семантическом поле, задаваемом рассматриваемой проблемой, историческое предстает как смыслообразующий концепт в понимании общества, культуры и человека.

Но в связи с этим возникает несколько неожиданный на первый взгляд вопрос: имеет ли то, что противоположно историческому какую-нибудь ценность и смысл? Речь в данном случае идет о проблеме выявления сущности и контекстуальных основаниях неисторического сознания.

Прежде всего, интерес вызывает то обстоятельство, что сам неисторический взгляд может возникнуть внутри сознания исторического. И это совсем не означает того, что неисторическое здесь утверждается как некая всеобъемлющая антитеза исторического. Здесь уместно было бы говорить об известной неисторической тенденции. Если исходить из того, что конститутивной характеристикой исторического

сознания является такая его черта, которую Лев Карсавин определяет как «всевременность», понимая под этим данность прошлого, настоящего и будущего в их смыслообразующем единстве [5, С. 50–52], то тогда неисторическое может представлять собой ту или иную форму распада этого единства. Например, временной модус прошлого, который несет в себе социокультурную память и является важным онтологическим основанием исторического, может утратить свое присутствие, и это вызывает деформацию всевременной целостности исторического сознания. Именно такая установка, выраженная в форме радикальной идеологемы, была отчетливо артикулирована Фридрихом Ницше. История в оценке Ницше предстает как тяжесть прошлого, как «невидимая тяжкая ноша», подавляющая человека и отторгающая его от жизни [4, С. 161]. Поэтому история рассматривается Ницше как сила, опасная для динамичного жизненного начала. Чрезмерное развитие исторического чувства, как считает Ницше, «влечет за собой громадный ущерб для всего живого и, в конце концов, приводит его к гибели, будет ли то отдельный человек, или народ, или культура» [4, С. 163]. Отсюда ясно, что для Ницше, как родоначальника «философии жизни», само понятие «жизнь» выступало в качестве ценностно-ориентированного концепта, востребованного европейской культурой в условиях кризиса ее рационалистических оснований. «Жизнь» представляется Ницше как выражение чего-то глубинного, бытийного, связь с которым сообщает человеку, народу, культуре «пластическую силу», под которой понимается способность «расти из себя самого» и не быть подавленным историей [4, С. 163]. Поэтому возможность связи с жизнью и противостояния истории Ницше связывает со способностью человека чувствовать неисторически.

Очевидно, что неисторически ориентированная установка сознания была осмыслена Ницше как определяющее условие освобождения от прошлого культурно-исторической традиции, причастность к которой являлась способом идентификации европейца. Но именно эта идентификация оценивается Ницше как бремя, которое свидетельствует о дряхлости и безжизненности европейской культуры. Причем интенция элиминации прошлого органически связана у Ницше с акцентированием значения временного модуса будущего. Такая позиция становится понятной, если учесть то обстоятельство, что в контексте опыта деконструкции культурно-исторического прошлого, определяемого иудео-христианской традицией, будущее представлялось Ницше как

время рождения «сверхчеловека» и формирования радикально обновленной культуры, связанной с жизнью.

Итак, как отмечалось ранее, характерная для Ницше неисторическая тенденция возникает внутри сознания исторического, так как, несмотря на свое стремление радикально нивелировать значение прошлого, немецкий философ все же признает смысловое содержание времени, ставя акцент на будущем. И это говорит о том, что Ницше не порывает полностью с основополагающими принципами исторического сознания.

Если же ставить вопрос о возможности более радикально выраженной неисторической концепции, то таковая имманентно присутствует в христианском мировоззрении. Однако такое утверждение представляется довольно парадоксальным. В самом деле, христианство как религиозно-философский комплекс одним из своих важнейших оснований имеет идею смыслового измерения времени, соотносимого с божественным и вечным. Именно на почве христианства оформилась линейная модель времени и возникла философия истории (Августин Блаженный). И это должно было бы явно свидетельствовать о принципиальной невозможности какого-либо неисторического взгляда на почве христианского мировоззрения.

Вместе с тем сама возможность неисторического в христианстве в известном смысле кроется в концептуализации божественного и вечного как того, что имеет абсолютную ценность. И если занять радикально выраженную одностороннюю позицию, признающую смысл лишь в божественном, вечном, надвременном, то это приведет к отрицанию смыслового измерения всего временного, становящегося, исторического. В контексте такого мышления время уже не будет внутренней эпохой вечности. Вечность и время предстанут здесь как несоизмеримые и разобщенные бытийные ряды. Такая логика в своих истоках восходит к классической античной метафизике, имплицитно логике бинарных оппозиций.

Именно такой подход к историческому характерен для основоположника протестантской неортодоксии, выдающего мыслителя XX века Карла Барта. Исходная мировоззренческая установка Барта задавалась его стремлением возродить истинную христианскую веру в условиях секуляризации современной культуры и кризиса духовных основ бытия человека. Понимая истинную веру, восходящую к библейским пророкам, апостолам и Христу как надвременное и надисторическое явление, Барт этим самым отрицает какое-либо значение временного и

исторического. Согласно Барту, истины пророков, апостолов и Христа, будучи вневременными и неисторичными, всегда современны. Они несут в себе измерение божественное и вечное. Все же историческое, временное, лишено смысла. Барт утверждает, что «...мир и история движутся в секулярном и относительном контексте, который сам по себе предельно бессмыслен» [7, Р. 107].

Таким образом, неисторическая позиция Барта, вытекающая из его неортодоксальной теологии, задаваемой принципом мышления из Бога как центра, и, соответственно, концептуализирование несоизмеримости божественного и мирского, вечности и времени означает, что человек может обрести ценностный смысл своего бытия исключительно на почве вневременной христианской веры, но никак не посредством формирования исторического сознания и соответствующего действия.

Концептуализация ценностного содержания неисторического, реализуемая через такой концепт как «постистория», стала также одной из фундаментальных идейных программ в постмодернистской парадигме. В своих социально-философских построениях постмодернистские философы (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, М. Фуко и др.) отрицают логику истории, линейную модель социокультурных процессов, а также интерпретируют современность как лишенную возможности какой-либо принципиальной новизны. Постисторическое сознание конституирует себя как феномен, возникший в отрыве от исторической процессуальности, которая традиционно осмысливалась в контексте линейной модели времени. В этой связи современность в оценке постмодернистских философов предстает не как закономерное продолжение истории, а как культура и ментальность, утверждающие свою автономность по отношению к историческому. Такая концепция является мировоззренческой реакцией на неосуществленность «проекта модерна», проникнутого верой в исторический прогресс, разумность человека и смысл истории. Отсюда вытекает столь характерная для постмодернистской парадигмы идея конца исторического, наиболее отчетливо выраженная у Жана Бодрийяра [См.: 2].

Однако концептуализация идеи конца истории в постмодернистской парадигме принципиально отлична от понимания конца истории в идейном наследии таких мыслителей, как Августин, Г. Гегель и Ф. Фукуяма. При всех различиях своих воззрений общим концептуальным основанием их философско-исторических взглядов является идея конца истории как смысловой осуществленности и временной завершенности

исторического процесса. В постмодернистской же парадигме конец истории осмысливается как драматическое крушение ценностных ожиданий человека. Это, в свою очередь, инициирует отказ от поисков какого-либо смыслового содержания истории. Но если невозможно выявление смысла истории, то в таком случае сама история предстает лишь как текст, открытый для бесконечных интерпретаций.

Обобщить сказанное можно следующим утверждением: в постклассической мысли усиливается тенденция деконструкции исторического сознания, что определяется стремлением человека конституировать свое бытие вне контекста истории. И в связи с усиливающимся кризисом исторического сознания остро встает вопрос о необходимости вернуть веру в историю.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М.: Канон+, 2002.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
3. Ортега-и-Гассет Х. История как система // Вопросы философии. 1996. № 6. С. ...
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. – М.: Мысль, 1990. Т.1.
5. Карсавин Л.П. Философия истории. М.: Хранитель, 2007.
6. Ясперс К. Истоки истории и ее цель – М.: Республика, 1994.
7. Barth K. The Epistle to the Romans. – N.Y., 1980.